МЯСО, МАСЛО, ПОВЫШЕНИЕ ЗАРПЛАТЫ!

Участники массовых беспорядков перед мостом через р. Тузлов.

«Активный участник беспорядков. Срывал антенну радиостанции танков».

Новочеркасск, 2 июня 1962

Эти снимки 29-летней давности предоставил в распоряжение редакции режиссер «Центрнаучфильма» Михаил Марьянов, автор фильма «Новочеркасский альбом». На один день. Под честное слово.

Большинство фотографий уникальны. Они взяты из уголовного дела. На них — «участники массовых беспорядков» в Новочеркасске («ярых подстрекателей» следователи пометили крестиками).

Этих снимков больше нет. Пролежавшие двадцать семь лет в секретных архивах, они были извлечены оттуда лишь на четвертом году перестройки. И исчезли—на пятом. В прошлом году при пересылке восьми томов «Новочеркасского дела» из Главной военной прокуратуры в Прокуратуру Союза фотографии бесследно пропали. Хорошо, военный прокурор, подполковник юстиции Александр Третецкий, до этого снял с них ксерокопии.

В феврале этого года Третецкий передал их группе Марьянова, работавшей над документальной картиной о тех событиях.

Пропавшие фотографии использовались для опознания инакомыслящих. «Комментарии» к ним, написанные в стиле шолоховского Мишки Кошевого («Пущал пропаганды, чтобы свергнули Советскую власть»), оригинальны. Они взяты из уголовного дела.

Попавшие в объектив были приговорены. И хотя часть жителей знала о съемках, уехать из Новочеркасска было трудно. Тех, кто летом шестьдесят второго пытался это сделать, заставляли возвращаться.

Сегодня достоверно известно, что один из приговоренных потом к расстрелу — Александр Зайцев — был «вычислен» именно так — по фотографии.

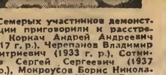
Даже сейчас многие свидетели молчат —

Семерых участников демонстрации приговорили к расстрелу. Коркач Андрей Андреевич (1917 г. р.). Черепанов Владимир Дмитриевич (1933 г. р.). Сотников Сергей Сергеевич (1937 г. р.). Мокроусов Борис Николаевич (1923 г. р.). Шуваев Влади-

документальной картиной о тех событиях.

Пропавшие фотографии использовались для опознания инакомыслящих. «Комментарии» к ним, написанные в стиле шолоховского Мишки Кошевого («Пущал пропаганды, чтобы свергнули Советскую власть»), оригинальны. Они взяты из уголовного дела.

Попавшие в объектив были приговорены. И хотя часть жителей знала о съемках, уехать из Новочеркасска было трудно. Тех, кто летом шестьдесят второго пытался это сделать, заставляли возвращаться.

Сегодня достоверно известно, что один из приговоренных потом к расстрелу — Александр Зайцев — был «вычислен» именно так — по фотографии.

Даже сейчас многие свидетели молчат — их еще в шестьдесят втором предупредили: запомните навсегда, у нас никто не бастовал, никто не стрелял, никто не убит. Предупредили убедительно — см. расписку.

О съемках «Новочеркасского альбома», наверное, тоже можно снять фильм — о том, как добывали всевозможные допуски и разрешения, о том, как таинственно исчезали документы, о том, как за группой следили.

Для встречи с бывшим начальником Каменского УГРО, участвовавшим в тайном захоронении убитых демонстрантов, съемочная группа отмахала сто двадцать километров. За полчаса до этого его увезли «представители местной власти». Все объясняется просто: на автобазу, обеспечивавшую киногруппу транспортом, регулярно звонили — справлялись о маршрутах...

Шел январь 1991-го года.

Для чего это делалось? Вряд ли лишь для того, чтобы скрыть настоящих виновников трагедии от кинокамер «ярых подстрекателей» образца девяносто первого года. Может, все дело в том, что жуткие по своей невинности лозунги новочеркасских рабочих за двадцать девять лет не потеряли своей актуальности? Кстати, по самым скромным подсчетам, уже после смерти Сталина в нашей стране случилось четыре десятка новочеркассков...

О. ВОЛКОВ.

«Высказывал недовольство политикой партии. Говорил, что не допустит повторения 1921 г.».

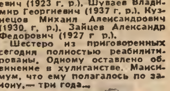
Групповой портрет, по делу не проходивший

(См. фото сверху).

Рассказывает Ольга Ефремовна Артющенко: «Ну пришла я в милицию. В милиции сказали, нужно идтить в горсовет. Пришла в горсовет — там Сиротин, секретарь. Такой худой какой-то. Говорит: что ты хочешь? Говорю: да убили у меня мальчика, отдайте хоть тело. А он говорит, здесь никто не стрелял, никто никого не убивал... Молодой человек подошел, забрал меня и рот мне закрывал... и до военных повел. А там ничего не могут сказать. Говорят, ну придите завтра... Я и завтра ходила. И это... Сиротина побила. И меня отправили в нервное отделение. Там недалеко, в психдом».

Сыну Ольги Ефремовны было пятнадцать лет.

Семерых участников демонстрации приговорили к расстрелу. Коркач Андрей Андреевич (1917 г. р.). Черепанов Владимир Дмитриевич (1933 г. р.). Сотников Сергей Сергеевич (1937 г. р.). Мокроусов Борис Николаевич (1923 г. р.). Шуваев Владимир Георгиевич (1937 г. р.). Кузнецов Михаил Александрович (1930 г. р.). Зайцев Александр Федорович (1927 г. р.).

Шестеро из приговоренных сегодня полностью реабилитированы. Одному оставлено обвинение в хулиганстве. Максимум, что ему полагалось по закону,— три года...

Новочеркасск, февраль 1991.

Расписка

Я, милиционер Каменского ГОМ даю настоящую расписку в том, что я обязуюсь выполнить правительственное задание и выполнение его хранить как государственную тайну.

Если я нарушу эту настоящую подписку то буду привлечен к высшей мере наказания расстрелу в 16 часов 30 минут 4 июня 1962 года.

МОИСЕЕВ Анатолий Алексеевич.

(Орфография оригинала сохранена. — РЕД.).

«Вел себя крайне дерзко. Кричал, что перережет горло тому, кто не даст ему есть масло и мясо».

«У здания ГК КПСС высказывал недовольство. Ярый подстрекатель».

Война на Кавказе

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Скорость под восемьдесят. Первое грузинское село. Люди провожают машины долгими взглядами. Мы не видим их глаз, скорее чувствуем их. Очень неуютно. Пол кузова грязный, но многие садятся прямо в пыль, как-то тревожно съеживаются. Стоящий рядом мужчина советует:

— Вы бы пригнулись, а то они камнями бросают...

Долгое время этот участок дороги был блокирован: после подрывов 850-тонный осколок скалы перегородил путь. В блокаде — между осетинскими Джавой и Цхинвали — оказались пять грузинских сел. Отрезан был и Цхинвали — с севера не проедешь, с юга — Грузия. Не так давно солдаты расчистили завалы, обезвредили фугасы на дороге, седьмого апреля провели в Цхинвали первую колонну с продовольствием. Но по-прежнему здесь крайне неспокойно.

...Села мелькают одно за другим. Сожженные дома. Пустые глазницы окон. И эти съеженные плечи девочки-осетинки...

Все. Пост в Цхинвали. Приехали.

Южная Осетия, весна 91-го года

Цхинвали был тихим южным городком. С танцев девушки не боялись возвращаться за полночь даже без провожающих ребят. Последнее до конфликта убийство случилось лет десять назад. Нам рассказывали о классах, где учились дети 18 национальностей. Дружили, влюблялись независимо от пятой графы. Огромное число смешанных браков. В магазинах — как везде. На рынке по выходным не пройти...

Это было шесть лет назад. Боже, как давно это было...

Сегодня в Цхинвали стоят все предприятия. Полгода люди не работают. Единственная хлебопекарня едва держится «на ходу». Нет света, тепла. Огромный репортаж в газете: «Открылась баня». Но вода с перебоями, телефонная связь тоже. На рынке — несколько старушек. Выбор — яйца по 7 рублей десяток, молоко — 10 рублей трехлитровая банка и крапива — рубль за пучок. Раскупается мигом. После прорыва блокады в магазинах появились сухие пайки солдат бундесвера — гуманитарная помощь Германии. 16 рублей коробка. Очередь занимают с ночи.

— Последнее время у нас стало спокойнее — спасибо войскам,— рассказывает член Комитета по нормализации обстановки в Южной Осетии С. Кочиев.— Начались занятия в школах, институте. Сократился поток беженцев из сельских районов в Цхинвали — если в первых числах апреля по тысяче регистрировали, то сейчас меньше ста в день. Стреляют, конечно, по ночам, есть случаи грабежей, мародерства, но разве сравнишь с тем, что было пару

алева-беженцы, пущенные по миру лишь потому, что им выпало жить здесь? Скоро ли «успокоятся» жители полуразрушенного грузинского села Тамарашени, простят ли они смерти односельчан, детей, братьев? Скоро ли «успокоится» Грузия, всем сердцем воспринявшая боль своих граждан?

А можно ли забыть фотографии четырех сожженных заживо грузин, которые нам показывали в Тбилиси?

Это — одна сторона. Есть и вторая.

В штабе части внутренних войск нам показали черный список осетинских сел:

...Мамитыкау — сожжено. Свер — выселено осетинское население. Арцеви — совершен вооруженный грабеж. Отреви — разгромлено и сожжено. Б. Патиаури — разграблено. Белот — выселено осетинское население. Хелчуа — сожжено, разграблено...

На 15 апреля в этом списке было 86 сел.

На вертолете внутренних войск летим в Цхинвальский район. Село Нижние Монастыри. Осетинская Хатынь. Целых домов не осталось. Все разграблено, выжжено. С тремя солдатами-автоматчиками бредем вдоль поломанных заборов, заглядываем во дворы. Застывшая в предсмертном оскале собака на цепи, расстрелянная чьей-то недрогнувшей рукой. Обгоревший детский ботинок. Втоптанные в грязь осколки тарелок. Ветер носит перья от раскуроченных перин, фотографии из семейного альбома...

Ни одной живой души. Мертво.

Осетинское село Хелчуа. 220 дворов. Здесь осталось несколько стариков. Они уже ничего не боятся. Только плачут, тихо и безнадежно. Солдаты стоят, понурившись, будто чувствуя вину за то, что произошло.

90-летняя бабка показывает нам следы пыток на старческой сморщенной груди... Одноногий фронтовик, которого били его же протезом... Дряхлая старуха, у которой, чтобы снять кольцо, отрезали палец...

Это за гранью человеческого понимания.

Все, кто смог, ночью, перед вторжением, бежали из села. Здесь остались те, кому было не под силу перебраться че-

находитесь на чужой войне?

— Да, бандиты воюют, и хрен с ними. Но гибнут же невинные. И потом, у нас приказ.

— А если командир ошибается?

— Независимо от того, какой поступит приказ, мы его обжалуем, только когда выполним. Если каждый будет думать, что приказ неверен, будет анархия.

— Вы за Горбачева или за Ельцина?

— Горбачев слишком мягкий. Хотел, как лучше, но развалил страну. Ельцин нам пополам. Но здесь все говорят, что он предал осетин.

...Ночь. Дождь. Холодная комната, стол и две кровати. Тусклый свет от движка во дворе. Два офицера спецназа внутренних войск рассказывают о жизни:

— Значит, так: начали мы с Сумгаита, потом — Ереван, Араратская долина, там не пускали азербайджанцев в Турцию. Девять месяцев в Карабахе отбарабанили, первого апреля 1989 года ушли домой в Тбилиси. Девятого апреля — события на площади. Два месяца писали объяснительные, перед Собчаком отчитывались и семьи свои охраняли. Потом — Марнеули, там азербайджанцы с грузинами не поладили. 14 июня улетели в Сухуми, абхазы с грузинами сцепились, 12 человек погибло. Первого ноября вернулись, а 25-го — в Цхинвали, неделю здесь простояли. Потом три месяца дома. В марте — Казахский район Азербайджана. Оттуда — в Армению, там пять солдат в заложники взяли. В мае — снова Армения, они караул расстреляли. В августе — Леселидзе, турки-месхетинцы шли в Грузию. Полмесяца там, 15-го «бортом» в Сухуми — брали изолятор. В сентябре снова война в Казахском районе. Первого октября вернулись, седьмого декабря — в Цхинвали. До сих пор здесь. Минимум восемь месяцев в году командировки — так сейчас катаются все полки внутренних войск.

Офицеров в роте не хватает — много ушло. Семьям в Тбилиси угрожают. Были нападения. По городу в форме не ходят. Хотя вышел закон о том, что военным вне части можно носить оружие, им не разрешают. Зашедший лейтенант смеется: «У нас только

не вмешиваемся, гибнут сотни. Нельзя же бросаться в другую крайность! Не пусти мы грузинскую милицию в Цхинвали — не было бы нынешнего кошмара. Но Москва не отдала приказ. И мы смотрели на все со стороны. Итог — то, что вы видите. А осетины убеждены: их принесли в жертву, чтобы показать миру сущность режима Гамсахурдиа.

Январские события в Цхинвали проходили у спецназа на глазах. Нам рассказывали о пьянстве грузинских «милиционеров», об их беспорядочной пальбе, о том, как этим «бойцам» приходили посылки из Тбилиси с подписями «Защитникам Родины от детей детдома». Много чего рассказывали. Все это еще ждет разбора и, мы надеемся, дождется. Пока приведем лишь один из рассказов — солдат спецназа о вводе грузинской милиции в Цхинвали:

— Осетины не хотели их впустить, соорудили баррикаду. Приехал один из руководителей МВД Грузии. Подходит к нашему капитану: как брать баррикаду? Его убеждают, что не надо входить, в городе спокойно, а начни грузины атаку — жертв будет много. Тот в крик: «Если хоть один волос упадет с головы грузина, я отдам приказ сжечь город». Потом он с подполковником нашим сцепился, мол, ты сопляк, я полмира объездил, в Японии был. «А я в Афгане», — отвечает тот. Представитель МВД орет, что он старше по званию. Тогда подполковник не вытерпел: «Я тебе, если не заткнешься, промеж глаз так въеду...». Мы не понимаем, как можно отдавать город под контроль таким людям?

Воевать поначалу не умели — ни те, ни другие. Доходило до анекдотов — «милиционер» обращался к военному: автомат не работает. Оказывается, его просто не научили, как снимать с предохранителя.

— Осетины запускали ракеты, у которых не взрывались боеголовки,— вспоминали солдаты,— так один грузинский военачальник по телевизору решил показать осведомленность: смотрите, какие бестолковые осетинские экстремисты, забывают перевести взрыватель в боевое положение. Не подумал, что

трудно, будь они хоть с русскими, хоть с французскими коллегами. И мы бы не спешили осуждать внутренние войска за то, что они предприняли шаги по урегулированию обстановки. Правда, остается загадкой, почему они получили приказ только после встречи в Казбеги.

Но есть и иные оценки. Полковник Ш. Цицкаладзе, начальник управления охраны общественного порядка МВД Грузии, недавно назначен комендантом Цхинвали и Джавского района. Его штаб — старое здание сельсовета, одиноко стоящее в поле близ дороги Цхинвали — Тбилиси. Комендант — за пределами зоны, где ему поручено устанавливать порядок, в город его не пускают, да он и сам в одиночку туда не стремится. Абсурд: представьте коменданта Москвы и Московской области со штабом, скажем, в хатенке под Рязанью. Комендант и сам понимает нелепость ситуации:

— Да, это противоречит здравому смыслу. Но что мы можем сделать? Военные против ввода нашей милиции, они посадили в городе своего коменданта, забирают у наших работников не только нетабельное оружие, но и пистолеты. Мы считаем, войска за осетин. А у тех болезненная идея — объединение Осетии. Не получилось — провозгласили республику. Неужели не ясно — шла драка за портфели, им кресла свои маленькими показались. Дайте ответ: почему 28 процентов грузин в Южной Осетии никто не спросил, нужна ли им республика? А они — хозяева, это их земля. Осетины — гости, они когда-то пришли сюда, а теперь требуют отделения. Выход один — надо решать вопрос за «круглым столом». Надо выводить войска. Третий год стоят они в Нагорном Карабахе — и что толку?

— Я не могу об этом говорить без боли. Когда мы вошли в Цхинвали, в нас полетели НУРСы, работали снайперы, взрывались мины. Много наших ребят погибло, таких парней.— Начальник отдела МВД Грузии И. Назлидис тяжело вздохнул.— Мы бы их, конечно, раздавили, но получили приказ отступать. У осетин надежда на войска. Мы же требуем выполнения договора Гамсахурдиа и Ельцина.

— Да, в этом случае вы получаете контроль над Цхин-

беженцы из Южной Осетии оседают на территориях, которые ингуши считают своими. И вот уже находятся те, кто пытается разыграть «ингушеосетинскую карту». Кто на очереди?

Мы бы не назвали грузино-осетинский конфликт только межнациональным. Посмотрим под другим углом: Южная Осетия — это область, где выполняют решения партии, где Советы и райкомы, где дети — пионеры и комсомольцы. Это область, где люди не могли сдержать слез радости, когда грузинский флаг меняли на красный, советский. Это область, где ни один человек осетинской национальности не вышел из КПСС, более того — вступают. Во многом это — в пику Грузии, где созданы префектуры, где компартия полностью лишилась авторитета, где все «советское» отменяется. Но тем не менее противостояние налицо. Противостояние области, которая из Союза уходить не хочет, и республики, которая уходит.

— Вы понимаете, после всего, что произошло, многие задумались, за что нам не любить Советскую власть? — говорила нам девушка-студентка из Цхинвали.— Грузины уже выжигали наши села в двадцатых. Советская власть спасла нас. Потом 70 лет не было угнетения, мы жили в мире, получали бесплатное образование, худо-бедно, но сыты, обуты, одеты. Зачем нам нужно другое, если оно связано с такими потрясениями?

Мы, не пережившие военную зиму в Цхинвали, спорить с ней не решились.

— Вспомните, в Литве погибло несколько человек, все газеты были забиты материалами — армия душит демократию,— говорили нам.— Здесь убито уже больше двухсот, несколько сот ранено и пропало без вести, сожжены десятки сел, дети умирают в родильных домах, потому что там мороз. Много ли вы про это прочтете? Это же в социалистической Южной Осетии! В стране — политическая конъюнктура. До жизней, судеб людей никому нет дела.

...Сегодня можно спорить, кто прав, кто нет. Можно рассуждать, стоило ли осетинам объявлять автономию республикой, а грузинам вводить туда милицию. Но при этом нельзя не замечать и другого: есть немало людей, которым эта война выгодна. Это не только бандиты, которые «под шумок» грабят и мародерствуют. Это не только те, кто распределяет помощь, поступающую сюда, распоряжается всевозможными фондами. Война, на наш взгляд, выгодна и руководству противоборствующих сторон — появился внешний враг, а значит, и возможность сплотить нацию. На войну можно списать все ошибки — коней на переправе не меняют.

И еще. Очаги конфликтов медленно, но верно приближаются к России: Азербайджан, Армения, Грузия — вверх и вверх по карте. Хотелось бы ошибиться, но, нам кажется, и в России иные усиленно

— Последнее время у нас стало спокойнее — спасибо войскам,— рассказывает член Комитета по нормализации обстановки в Южной Осетии С. Кочиев.— Начались занятия в школах, институте. Сократился поток беженцев из сельских районов в Цхинвали — если в первых числах апреля по тысяче регистрировали, то сейчас меньше ста в день. Стреляют, конечно, по ночам, есть случаи грабежей, мародерства, но разве сравнишь с тем, что было пару месяцев назад?

Вкратце напомним историю конфликта: типичный сюжет времен перестройки. Когда Грузия взяла курс на отделение от Союза, экономическую и политическую самостоятельность, в Юго-Осетинской автономной области с этим не согласились. 20 сентября 1990 года в Цхинвали провозглашена Юго-Осетинская Советская демократическая республика. Решение осетин остаться в составе Союза в Тбилиси сочли незаконным. После выборов в парламент Юго-Осетии Верховный Совет Грузии упраздняет автономию области и вводит чрезвычайное положение в Цхинвали и Джавском районе. В ночь с 5 на 6 января в Цхинвали входят несколько тысяч милиционеров-грузин и грузинские неформалы в форме милиции. Находящиеся здесь внутренние войска не вмешиваются, нет приказа Москвы. «Милиционеры» занимают обком, банк, почту, административные здания. Начинается стрельба. Бои выплескиваются на улицы. Разгромлены театр, магазины, автопредприятия, школы.

Через три недели «милиционеры» вынуждены уйти из Цхинвали. Но костер войны разожжен: в городе горят грузинские дома, в районах — осетинские села. Тысячи грузин бегут в Тбилиси, тысячи осетин из сельских районов — в Цхинвали и Северную Осетию. Стороны стеной поднимаются друг на друга, ненависть достигает предела. Появляются банды. Внутренние войска скованы в действиях: в трех районах Южной Осетии чрезвычайного положения нет. К сегодняшнему дню погибло более ста осетин, пропало без вести более ста, ранено триста с лишним. О числе погибших грузин не сообщается, но их не меньше. Люди гибнут до сих пор. «Это даже не Карабах. Это страшнее»,— считают военные.

«Как там, в Цхинвали, еще не успокоилось?» — слышали мы уже в Москве. Более идиотского вопроса не придумаешь.

...Первое утро в Цхинвали, 6.30. Просыпаемся от автоматных очередей, подбегаем к окну. Рассвело. Моросит дождь, кричат петухи. За домами напротив — огромное черное облако. Как потом узнали, подожжен еще один грузинский дом. Слышно, как заводятся бэтээры внутренних войск. Стрельба вскоре стихает. А облако долго еще висит над городом.

В Цхинвали сожжено 78 домов, из них 72 грузинских. Скоро ли «успокоятся» их хозяева, чувствуя вину за то, что произошло.

90-летняя бабка показывает нам следы пыток на старческой сморщенной груди... Одноногий фронтовик, которого били его же протезом... Дряхлая старуха, у которой, чтобы снять кольцо, отрезали палец...

Это за гранью человеческого понимания.

Все, кто смог, ночью, перед вторжением, бежали из села. Здесь остались те, кому было не под силу перебраться через горы. Немощные, беззащитные и невинные. Их расстреливали из автоматов. Убив, забрали скот, машины, детские велосипеды. Разграбили дома и ушли. По ночам наведываются до сих пор.

На 15 апреля в Южной Осетии было 86 таких сел.

С каждым днем их становится больше — чрезвычайное положение в трех районах Южной Осетии не объявляют...

Когда «успокоятся» десятки тысяч людей, живших в этих селах, переживших этот кошмар наяву? Когда забудут ужасы этой войны осетинские дети, подростки? Когда «успокоится» растерзанная Южная Осетия?

Горько, но большинство преступлений останется безнаказанным. Органы внутренних дел, прокуратуру в Цхинвали надо практически создавать заново — их структуры были упразднены грузинской стороной. Не хватает следователей, участковых, криминалистов — милиционеры грузинской национальности ушли из города с оружием. Надо выезжать на места преступлений, искать свидетелей, доказательства. А уголовных дел — тысячи. Грабеж, взлом квартир, мародерство, поджоги — за это часто даже не берутся: убийств нераскрытых куча...

Обязанности милиции частично взяли на себя войска. Но работают практически вхолостую: задерживают грузина с оружием, передают представителям МВД Грузии — завтра он снова здесь; ловят осетина, передают в горотдел Цхинвали — та же история. Дел по фактам незаконного ношения оружия не возбуждается. Раньше за появление в городе с пистолетом можно было получить года три. Сегодня люди знают, что им не будет ничего.

Один из офицеров назвал все это беспределом в отдельно взятой области.

Спецназ

На улице Сталина в здании обкома партии в Цхинвали сегодня расположилась рота спецназа. В кабинетах партийных и комсомольских работников — армейские койки в два яруса. Окна заложены мешками с песком. Среди солдат — в основном русские, украинцы, белорусы, есть прибалты. О месте службы домой не сообщают, как и их предшественники в Афганистане.

Один из журналистов спросил у них:

— Нет ли ощущения, что в тябре снова война в Казахском районе. Первого октября вернулись, седьмого декабря — в Цхинвали. До сих пор здесь. Минимум восемь месяцев в году командировки — так сейчас катаются все полки внутренних войск.

Офицеров в роте не хватает — много ушло. Семьям в Тбилиси угрожают. Были нападения. По городу в форме не ходит. Хотя вышел закон о том, что военным вне части можно носить оружие, им не разрешают. Зашедший лейтенант смеется: «У нас только комполка и начштаба всегда вооружены, хотя домой их на машине возят». С жильем проблемы. Денег — 320 в месяц, в командировках — полторa оклада. Жены, родители с утра до вечера твердят, что надо уходить из армии...

— Я всю жизнь в спецназе,— рассказывал один из офицеров. — Красную Звезду получил за Сухуми. «За боевые заслуги» — когда азербайджанских детей из села выносил. Второй раз тогда родился — армяне палили так, что только шубу заворачивай... В бушлате я всегда ношу одну гранату. Это — моя, если в банду попаду. А в Тбилиси — сынишка и жена на шестом месяце, девочка будет, врачи определили. Жене нервничать нельзя, а я тут, без выходных и праздников. И подменить нас здесь некому. Всё. 18 лет выслуги имею, осталось 2 года — и буду увольняться. Не могу больше так.

Что будет, когда они уйдут?

...Да простят нам столь вольное сравнение, но военные здесь напоминают спящего льва, который лениво отмахивается хвостом от мух да изредка рявкнет на крутящихся вокруг собак. Разведка есть, знают немало — и о бандах, и об обстановке. Профессионалы. При нас осетины взяли в заложники двух грузин. Тут же осложнилась обстановка на дороге Джава — Цхинвали. Ультиматум военных — к 12.00 вернуть — не дал результата. Лев грохнул лапой: броногруппа спецназа налетела на бывший пионерлагерь под Цхинвали. Взяли много оружия. Вскоре одного заложника вернули. Второй, говорят, сбежал — конца этой истории мы не дождались.

Профессионалы, во занимаются в основном сопровождением колонн, делом, мягко говоря, не своим.

— Правильно назвали — тбилисский синдром,— говорил нам один из офицеров спецназа.— Не было бы антиармейской волны после событий 9 апреля в Тбилиси, не было бы резни в Фергане, не появился бы народ-изгнанник — турки-месхетинцы. Не было бы столько жертв в последующих конфликтах. Главный итог Ферганы: люди увидели, что погромами, силой можно достичь цели. Войска старались не применять, чтобы не предстать перед депутатской следственной группой. Тем самым закрывались глаза на беззаконие. Здесь у нас тоже связаны руки. Да, может, мы допустили ошибки в Тбилиси. Но там погибли единицы, сегодня, когда мы дошло до анекдотов — «милиционер» обращался к военному: автомат не работает. Оказывается, его просто не научили, как снимать с предохранителя.

— Осетины запускали ракеты, у которых не взрывались боеголовки,— вспоминали солдаты,— так один грузинский военачальник по телевизору решил показать осведомленность: смотрите, какие бестолковые осетинские экстремисты, забывают перевести взрыватель в боевое положение. Не подумал, что осетины телевизор тоже смотрят...

Случаев, подобных этим,— немало. Но военные признают, что навыки пользоваться оружием и убивать обе стороны приобретают быстро.

...— Я не вижу решения этого конфликта, при котором все останутся довольны,— говорил, провожая нас, командир роты.— Надо брать чью-то сторону: либо создавать здесь префектуры, как в Грузии, либо восстанавливать Советы и исполкомы. Мы можем навести временный порядок, но на штыках власть не удержать. Значит, надо выработать политическую линию относительно подобных конфликтов и определиться в принципе, как быть с Южной Осетией. Отдать Грузии — но осетины против, большой риск резни. Стать на защиту осетин — но тогда надо пережить ту истерию, которая начнется в Тбилиси. Из опыта: центр не решится ни на то, ни на другое. Значит, войска останутся стоять здесь, как в Карабахе, а обстановка будет то обостряться, то успокаиваться. Мы получаем очередной очаг вяло текущей гражданской войны.

Итак, военные предлагают брать чью-то сторону. Депутаты — и коммунисты, и демократы — изредка совершают сюда наезды и обещают измотанным войной людям рассмотреть вопрос на Комитете по законодательству. Президент балансирует в нерешительности. Но были в поиски компромисса.

Что впереди?

На центральной площади Цхинвали алеют плакаты: «Встреча в Казбеги — новый Мюнхен!» Плакаты появились после встречи на границе РСФСР и Грузии Б. Ельцина и З. Гамсахурдиа. В числе прочего главы республик договорились и о создании в Южной Осетии до 10 апреля совместного отряда милиции, который разоружит боевиков. Нельзя не отметить стремление к поиску выхода, но насколько оно реально?

Сегодня, когда раны свежи, большинство осетин и слышать не хочет о переговорах с Гамсахурдиа. Еще один плакат в центре Цхинвали: «Ельцин! Не обнимайся с убийцей, у Гамсахурдиа руки по локоть в крови!» Так думает город, в котором уже практически не осталось грузин. Можно ли с этим не считаться? Представить, к чему приведет появление в Цхинвали уже однажды, мягко говоря, скомпрометировавших себя грузинских милиционеров, не ном Карабахе — и что толку?

— Я не могу об этом говорить без боли. Когда мы вошли в Цхинвали, в нас полетели НУРСы, работали снайперы, взрывались мины. Много наших ребят погибло, таких парни.— Начальник отдела МВД Грузии И. Назлидис тяжело вздохнул.— Мы бы их, конечно, раздавили, но получили приказ отступать. У осетин надежда на войска. Мы же требуем выполнения договора Гамсахурдиа и Ельцина.

— Да, в этом случае вы получаете контроль над Цхинвали, можете наводить там порядок железной рукой. Но к чему это может привести, показали события в январе.

— Я повторяю, мы сможем навести порядок.

Действия военных осуждает вся Грузия. Бастуют предприятия. Операции внутренних войск по разоружению грузинской милиции расценивают как вмешательство во внутренние дела суверенной республики. Звучат требования: «Солдатам — уйти!» Согласиться? Но слишком дорого может стоить эксперимент. На весах — человеческие жизни. Да и что мешает сесть за «круглый стол» сейчас — а там, глядишь, и солдаты не понадобятся.

...Мы едем в Тбилиси. Прикидываем, как могут развиваться события дальше. Неспокойно в Абхазии. Это индустрия отдыха с давно сложившейся инфраструктурой, это Гагра, Сухуми, Пицунда, это деньги, валюта в конце концов. И это — Осетия наоборот. Все те претензии, которые Тбилиси предъявлял осетинам, здесь действуют со знаком минус. Если осетин в Южной Осетии больше, чем грузин, то абхазов в Абхазии меньше, если осетин можно обвинить в том, что живут на чужой земле, то абхазы — на своей. Если бы Грузия взяла верх в Цхинвали, то Абхазия была бы на очереди. Теперь вести борьбу на два фронта Грузии будет тяжело. Да и грузино-осетинский конфликт абхазам на многое открыл глаза. Раз Южная Осетия не покорилась, то и Абхазия может поднять голову.

Кавказ сегодня — это пороховая бочка. Здесь живут около 60 коренных народов. Народов горских, горячих. Все они густо перемешаны, часто относятся к разным языковым группам. Здесь сошлись христианство и ислам, границы перекраивались множество раз, отсюда выселили целые народы. Сегодня многие из них стремятся объединиться, чтобы выжить. Но на Кавказе практически нет бесспорных территорий. По свидетельству экспертов, сегодня проявили себя уже около трех десятков национально-территориальных противоречий. Только спичку поднести...

Конфликты между национальностями были здесь даже в относительно спокойные застойные годы. Здесь хорошо помнят, к примеру, волнения 26—29 октября 1981 года в Орджоникидзе в связи с осетино-ингушским конфликтом. И сегодня во Владикавказе напряженность накапливается, подобно радиации. Все новые ступающую сюда, распоряжается всевозможными фондами. Война, на наш взгляд, выгодна и руководству противоборствующих сторон — появился внешний враг, а значит, и возможность сплотить нацию. На войну можно списать все ошибки — коней на переправе не меняют.

И еще. Очаги конфликтов медленно, но верно приближаются к России: Азербайджан, Армения, Грузия — вверх и вверх по карте. Хотелось бы ошибиться, но, нам кажется, и в России иные усиленно ищут образ врага. Возьмите противостояние «шахтеры — правительство». А ведь с голодным народом опасно играть в игрушки. Может вступить в действие закон толпы, и несколько хороших ораторов поведут ее куда угодно. Врага же можно сотворить из кого хочешь — из демократов, коммунистов или из евреев...

Вспоминаются слова одного из офицеров в Цхинвали:

— Боюсь стать пророком, но ведь в конце концов мы пожнем авторитарный режим. Может, пострашнее сталинского. Многие в горячих точках как благо вспоминают Иосифа Виссарионовича. Да, скажешь не то — получишь срок. Но хоть знаешь, что, если молчишь, будет спокойно. Народ здесь уже поднимает руки: мы устали, дайте нам спокойствие. Кому нужна такая демократия? Страна нуждается в сильном лидере, и скоро, если так будет продолжаться, мы сами занесем его в Кремль на руках. Ведь кто-то должен остановить страну, которая катится в пропасть?

...В Грузии новая власть на местах. Префектов назначает лично Гамсахурдиа. В основном из интеллигенции. Люди удивляются: если раньше в райкомах сплошные застолья, то сейчас — строго деловая обстановка. Много говорят об одном из последних указов Гамсахурдиа: создании Министерства информации, где проходят проверку все материалы, передаваемые «за границу». Грузия хочет хорошо выглядеть в глазах общественного мнения. Гамсахурдиа верит — депутаты единогласно избрали его Президентом. Нам много говорили о пробудившемся национальном самосознании народа, об оптимизме, с которым люди смотрят в будущее.

Но настораживает то, что единственный голос оппозиции — радиостанция «Эри» — вещает из подполья, а в тюрьмах появились политзаключенные. Но не дает покоя фраза известного грузинского философа Мераба Мамардашвили: «Если грузинский народ пойдет за Гамсахурдиа, значит я пойду против собственного народа».

И еще не можем забыть плакат в центре Тбилиси, на гостинице «Иверия», огромный, в полотнище. На плакате слова: «Грузия — прежде всего».

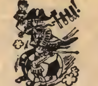
Неужели придется пройти и через это?

А. ХОХЛОВ,
И. ЧЕРНЯК.
(Наши спец. корр.).

Владикавказ —
Цхинвали — Тбилиси.

КОНКУРС

Стадион — 91

Центр туризма и спорта «Гол» газеты «Комсомольская правда» проводит конкурс знатоков спорта «Стадион-91». Конкурс пройдет в три тура. В первых двух будет объявлено по 25 победителей (если ответивших правильно будет больше, призеров определит жребий), которые и примут участие в последнем туре.

50 победителей будут бороться за главные призы: две путевки на чемпионат мира по легкой атлетике в Токио, два отечественных видеомагнитофона, цветной телевизор четвертого поколения «Садко», пять денежных премий по 1000 рублей...

Условия конкурса просты. Нужно ответить на пять вопросов и выслать ответы с квитанцией об оплате на адрес редакции до 15 мая (по почтовому штемпелю). На конверте обязательна пометка «Стадион-91».

Участие в конкурсе стоит три рубля за один вариант ответа. Оплата за участие в конкурсе осуществляется через почтовые отделения связи на адрес: Москва, Орликов пер., 3, Роситербанк, расчетный счет 161434 в МГУ Госбанка СССР, г. Москва МФО 201791, малое предприятие Центр туризма и спорта «Гол», 602476.

Желаем вам удачи!

Ф.И.О.

Адрес и телефон

Вопросы	Ответы
1. На первых Олимпийских играх в Древней Греции атлеты состязались только в одном виде программы. Каком именно?	
2. Кто был первым спортсменом-негром — абсолютным чемпионом мира в профессиональном боксе?	
3. Кому из советских футболистов дважды присваивали звание «Заслуженный мастер спорта»?	
4. С каким счетом закончится отборочный матч чемпионата Европы по футболу СССР—Кипр?	
5. Кто первым вплавь преодолел Берингов пролив?	

В поле только девушки

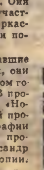
Ассоциация женского футбола СССР и исполком Шатурского горсовета Московской области проводят 5 мая 1991 года, в день 55-летия г. Шатуры, международный товарищеский матч по футболу между женскими сборными СССР и Швеции.

Начало в 17 часов.

Спонсоры матча: газеты «Ленинское знамя», «Советский спорт», «Комсомольская правда»; научно-исследовательский центр по технологическим лазерам АН СССР, концерн «МЭТРА» (г. Хельсинки), шатурский кооператив «УНИВЕРСАЛ», московское ТОО ЭКОВТОР.

Проезд с Казанского вокзала г. Москвы до ст. Шатура.

Контактные телефоны для руководителей организаций, фирм, кооперативов, заинтересованных в рекламе: (245) 2-29-83, 2-42-50, 2-53-81.

Участники массовых беспорядков перед мостом через р. Тузлов.

«Активный участник беспорядков. Срыва...
радиостанции танков».

Новочеркасск, 2 июня 1962

«Высказывал недовольство политикой партии. Говорил, что не допустит повторения 1921 г.».

Групповой портрет, по делу не проходивший

(См. фото сверху).

Рассказывает Ольга Ефремовна Артющенко: «Ну пришла я в милицию. В милиции сказали, нужно идтить в горсовет. Пришла в горсовет — там Сиротин, секретарь. Такой худой какой-то. Говорит: что ты хочешь? Говорю: да убили у меня мальчика, отдайте хоть тело. А он говорит, здесь никто не стрелял, никто никого не убивал... Молодой человек подошел, забрал меня и рот мне закрывал... и до военных повел. А там ничего не могут сказать. Говорят, ну придите завтра... Я и завтра ходила. И это... Сиротина побила. И меня отправили в нервное отделение. Там недалено, в психдом».

Сыну Ольги Ефремовны было пятнадцать лет.

Расписка

Я, милиционер Каменского ГОМ даю настоящую расписку в том, что я обязуюсь выполнить правительственное задание и выполнение его хранить как государственную тайну.

Если я нарушу эту настоящую подписку то буду привлечен к высшей мере наказания расстрелу в 16 часов 30 минут 4 июня 1962 года.

МОИСЕЕВ Анатолий Алексеевич.
(Орфография оригинала сохранена. — РЕД.).

Семерых участников демонстрации приговорили к расстрелу. Корнач Андрей Андреевич (1917 г. р.). Черепанов Владимир Дмитриевич (1933 г. р.). Сотников Сергей Сергеевич (1937 г. р.). Мокроусов Борис Николаевич (1923 г. р.). Шуваев Владимир Георгиевич (1937 г. р.). Кузнецов Михаил Александрович (1930 г. р.). Зайцев Александр Федорович (1927 г. р.).

Шестеро из приговоренных сегодня полностью реабилитированы. Одному оставлено обвинение в хулиганстве. Максимум, что ему полагалось по закону,— три года...

